

Наталья Самуиловна Софья Самуиловна

ОТЦОВСКИЙ КРЕСТ

Скорбный путь

1931–1935

Софья Самуилова

**Отцовский крест.
Скорбный путь. 1931–1935**

Православное издательство "Сатисъ"

1996

Самуилова С. С.

Отцовский крест. Скорбный путь. 1931–1935 /

С. С. Самуилова — Православное издательство "Сатись", 1996

ISBN 5-7373-0282-2

У Бога все живы! Всеохватная память святой матери-Церкви. Одинаково живы для нее люди и события великих империй, славных столиц и самых отдаленных, мало кому ведомых уголков. Острая Лука – глухое поволжское село. Однако не осталось в нашем Отечестве мест, куда не докатились бы злые волны великой всероссийской смуты. Повесть, первую страницу которой вы сейчас откроете, – удивительная, в своем роде уникальная книга о том лихолетье. Крестный путь России, Русской Церкви словно раскрывается, отражается в жизни православного батюшки о. Сергия Самуилова, которому выпало служить в Острой Луке в 1906–1927 годах. Эта многотрудная и многоскорбная жизнь истинного пастыря, несущего в сердце своем неизреченный свет Христовой правды. И не изменил пастырь своему однажды и навсегда избранному пути. Хотя путь его – тернист и тяжок – ведет через беспорядочные, безумные времена войн, революций, «обновленчества», безбожия... Явственно предстанут на страницах книги и другие герои, пройдут перед взором пожары и наводнения, голод и эпидемии, окажутся близкими люди, чья сила и красота духа, ясность мысли и чистота чувств достойны удивления. Повесть чрезвычайно интересна всем, кому дороги история Русской Церкви, история отчизны, жизнь и обычаи русского народа. Многие почерпнут в ней и родители, воспитывающие детей.

ISBN 5-7373-0282-2

© Самуилова С. С., 1996
© Православное издательство
"Сатисъ", 1996

Содержание

От редакции	7
Предисловие	8
От автора	11
Часть I. «Будь верен до смерти...»	13
Глава 1. Батюшка Костя	15
Глава 2. Те же стены и те же ворота	21
Глава 3. Тревожная весна	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Софья Самуилова, Наталья Самуилова

Отцовский крест. Скорбный путь 1931-1935

© С.С. Самуилова, Н.С. Самуилова, 1996.

© В.С. Рыжков. Предисловие, 1996.

© Издательство «Сатисъ», 1996.

От редакции

Документальная повесть «Отцовский крест» (это название дано редакцией, авторское название: «Из жизни одного священника») издается нами по самиздатской машинописной копии. Первая часть книги («Острая Лука») передана издательству Ольгой Николаевной Вышеславцевой, а вторая («В городе») была найдена в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии, на титульном листе этой последней обозначено: Куйбышев, 1989 г. Но, по-видимому, это год перепечатки, а не написания повести. Судя по некоторым замечаниям в тексте, первая часть книги была написана в 1940–50-е гг., а вторая – в 60-е гг. Кроме того, из текста повести можно извлечь следующие сведения о ее авторах. Это:

Софья Сергеевна Самуилова, 1905 г. рожд., уроженка с. Острая Лука, Березоволукской волости, Николаевского уезда, Самарской губернии (ныне это Саратовская обл., Духовницкий р-н, сохранилось соседнее село Березовая Лука, а Острая Лука затоплена водами Саратовского водохр.), и **Наталья Сергеевна Самуилова**, род. там же в 1914 г.

Обе они – дочери настоятеля церкви села Острая Лука в период 1906–1927 гг. о. Сергия Самуилова, 1883 г. рожд., выпускника (1905 г.) Самарской семинарии, ректором которой тогда был архим. Вениамин, впоследствии **свщмч. Вениамин Петроградский**.

В 1927 г. о. Сергей (в сане протоиерея) был переведен в Воскресенский («новый») собор г. Пугачева (бывш. Николаевск), в котором прослужил до 1930 г., когда был арестован «за агитацию против колхозов», так же как и его архиерей, владыка **Павел (Флоринский)**, в те годы еп. Пугачевский. Место о. Сергия в соборе занял его сын, **о. Константин** (1908 г. рожд.), также впоследствии репрессированный. Кроме того, среди лиц, знавших о. Сергия, в тексте упоминаются: митр. Уральский **Тихон (Оболенский)** и еп. Вольский и Балаковский **Андрей (Комаров)**, вполн. (с 1943 г.) архиеп. Куйбышевский (ум. 1955 г.). Год гибели самого о. Сергия, предположительно, 1932.

Издательство «Сатисъ» будет благодарно всем, кто может сообщить какие-либо дополнительные сведения об авторах этой повести и других членах семьи Самуиловых, особенно если кто-нибудь из них до сих пор здоров. Просим обращаться по адресу: **199034, Россия, Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., 8/4, лит А. или позвонить по тел: (812) 323–63–42.**

Предисловие

Слегка поистрепавшийся коленкорový переплет зеленого цвета, внутри немногим более четырехсот пожелтевших страниц машинописного текста. Отпечатано старательно, на обеих сторонах листа; в середине рукописи, на нескольких страницах, вклеены шесть фотографий. Видимо, автор, не имевший надежды увидеть свое творение вышедшим из типографии, старался сделать его хоть сколько-нибудь похожим на настоящую книгу.

Но времена изменились, так называемые «пережитки прошлого» пережили боровшийся с ними режим, и теперь повесть со скромным названием «Из жизни одного священника» становится доступной новому поколению православных читателей.

Со старой фотографии внимательно смотрит на нас совсем еще молодой священник; худощавое телосложение, небольшие круглые очки, немного задумчивый взгляд – все это отчасти напоминает хрестоматийный облик дореволюционного интеллигента. Это может показаться странным, ведь мы привыкли воспринимать слово «интеллигент», применительно к тому времени, как синоним слов «народник» и «социалист». Мы забываем при этом, что ни по уровню образования, ни по общей культуре духовенство начала века вовсе не уступало так называемому «образованному сословию», всем этим новоиспеченным «господам» – чиновникам, журналистам, педагогам. Зато эти последние, вместе с начатками западной «цивилизованности», усвоили пренебрежительный взгляд на якобы «отсталую» духовную традицию своей страны, главным хранителем которой как раз и было духовенство. В немалой степени такое отношение стало следствием того, что многие из интеллигентов сами были выходцами из духовного сословия и, поднимаясь вверх по социальной лестнице, стремились поскорее забыть о своем «низком» происхождении. Ведь в России после Петровских реформ духовенство разве что не платило податей, а в остальном не только не считалось «первым сословием» (как, например, во Франции при королевской власти), но и было загнано в своего рода «культурную резервацию», вместе с «мужиками» и прочими людьми «подлого состояния».

Между тем те нравственные качества, которые подразумеваются, преимущественно, под словом «интеллигентность», а именно принципиальность и искание правды, в сочетании с внимательным и предупредительным отношением к окружающим людям, есть, по своему происхождению, христианские качества, хотя и деформированные европейскими представлениями о «цивилизованности». И это те именно свойства характера, основы которых закладываются в семье – в истинно христианских, по большей части, семьях духовенства, от которого стремились отречься его «обличители» из бывших семинаристов.

К счастью, не все выходцы из семей духовенства стремились стать «господами». Многие оставались верны призванию своих отцов и дедов. Правда, и в среде самого духовенства, преимущественно городского, стали проникать новейшие либеральные идеи, что привело потом к расцвету «обновленчества». В большинстве своем священники оставались все же носителями здорового традиционного консерватизма, но, увы, лишь немногие «пламенели верой», как св. праведный о. Иоанн Кронштадтский.¹ В целом наше духовенство оказалось не готово к испытаниям революции, когда пошатнулось или исчезло многое, что казалось незыблемым. Но прошло несколько лет, и духовенство смогло выставить из своей среды стойких бойцов за Веру и Истину, исповедников и мучеников, таких, как о. Сергей, герой этой повести.

¹ «Духовная жизнь и религиозное горение к тому времени начали падать и слабеть. Вера становилась лишь долгом и традицией, молитва – холодным обрядом по привычке. Огня не было в нас и в окружающих». *Митр. Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 135.

«Вы меня не знаете, я скандалист», – говорит о. Сергей одному из «попечителей», пришедшему звать его из сельского прихода на более почетное место. Да и начинается повесть с рассказа о том, как отец о. Сергия, секретарь училищного совета семинарии, заступает за провинившегося ученика и портит при этом отношения с ректором. Такие уж это беспокойные люди, С-вы: если совесть подсказывает им какое-то решение, то, кажется, весь мир не сумеет их переубедить.

И все же в переломные годы именно такие люди, неудобные для начальства, стали камнем, на который нашла коса тех, кто стремился разложить Церковь изнутри. Именно принципиальность и неподкупность (и слова-то эти почти забыты в наше время) таких, как о. Сергей, спасла других, слабых и колеблющихся, которые готовы были послушно следовать за любым вождем, лишь бы не брать на себя бремя ответственности.

Однако, при всей своей «строгости», о. Сергей вовсе не черствый ригорист; он, как и всякий человек, порой изнемогает под тяжестью сомнений и горя. Но есть в его жизни то, что помогает пережить все испытания, выпавшие на его долю, – есть любовь.

Более того, всю повесть можно было бы назвать историей великой любви. Не страсти, безудержной и безумной, но той ровной и уверенной любви к ближним – к жене, к детям, к своим прихожанам, которая неотделима от любви к Богу. Особенно первые главы книги, в которых так много милых и поучительных подробностей из семейной хроники С-вых, буквально пронизаны пленительным и светлым покоем любви.

Тяжелое горе – смерть горячо любимой жены – словно бы служит прологом к последующим катастрофам, и если одних подобное несчастье могло бы сломить, то характер о. Сергия только закаляется в смирении и покорности воле Божией. Это дается не без труда, не без боли; может быть, за счет потери какой-то душевной мягкости и теплоты, но, выдержав испытание, о. Сергей становится поистине нестигаемым. А новые беды уже не за горами, и самая страшная – не война, не голод, даже не революция. Самым страшным ударом для Церкви стало предательство.

* * *

«Отец Александр, мы же с вами не в Гефсиманском саду», – эту фразу митрополита-мученика² можно было бы высечь на надгробии «Живой Церкви», если бы где-нибудь существовала ее могила. «Обновленчество», начинавшееся как движение за «освобождение Церкви от гнета устарелых форм» и закончившееся, для многих его деятелей, полным духовным разложением и предательством не только Церкви, но и Самого Христа, долго еще будет оставаться большим вопросом, для которого объективный анализ так же сложен, как операция на живом сердце. Как это случилось, что едва ли не половина белого духовенства сначала пошла за теми, кто провозгласил лозунг «революции в Церкви», кто главным вопросом церковной жизни сделал не вопрос о том, как спастись, как достигнуть Жизни Вечной, а проблемы наиудобнейшего устройства в этой, земной, жизни? Ведь то же самое духовенство, опомнившись потом, в подавляющем большинстве не отреклось от Христа, когда взят был курс на уничтожение всякой религии, не разбирая – обновленной или необновленной. Не потому ли все это произошло, что слишком уж многие из пастырей дореволюционной России погрузились в быт, в какие-то мирские дела, и лишь когда эти люди оказались лишены всего, что имели, наступило прозрение.

² Эти слова сказаны сщмч. Вениамином Петроградским подошедшему под благословение о. Александру (Веденскому), который явился вместе с чекистами арестовывать митрополита. См. напр. *Пот. В. Цыши*. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М., 1994. С. 50.

Но это еще полбеда, хуже, что нашлись такие, кто не сумел покаяться и тогда, когда наступила пора покаяния. Особенно запоминается в повести своего рода антипод главного героя, о. Порфирий Апексимов, вместе с которым о. Сергей замерзает в камере и который, в это же самое время, сочиняет донос на своего собрата – за лишний день жизни? за миску баланды? А ведь это был гордый человек, в свое время не желавший «унижаться» перед о. Сергием, – как же он до такой степени унизился перед тюремщиками?

«Ведь он священник... священник ведь он!..» – горестно восклицает (в одной из последних глав повести) владыка Павел, оставшийся, подобно Христу, один, без своих «апостолов» – священников, на пороге собственной Голгофы.

Да, русское духовенство и все мы получили жесточайший урок... Но ведь недаром сказано, что история учит лишь тому, что она ничему не учит. И сегодня, когда возрождаются храмы, увеличиваются приходы, не восстанавливаются ли вместе с ними и те причины, которые привели к обновленческой катастрофе? А тем временем народ наш по-прежнему нищает, и многие уже готовы снова поверить «слепым, вождям слепых», которым не дает покоя золотое сияние православных крестов. И если вновь наступит пора испытаний, хватит ли у нас, прошедших в Церковь в годы относительного благополучия, душевных сил и решимости оставить все и последовать за Христом (Мф. 19, 21)?

Размышляя об этом, невольно приходишь к выводу, что события, описанные в повести, рано списывать в архив, рано относиться к ним как к прошлому, которое никогда не повторится. Тем важнее для нас благодатный пример отца Сергия, дающий надежду, что и в лихие времена всегда найдутся праведники, готовые принять удар на себя, те, благодаря которым «соль не перестанет быть соленою».

В. Рыжков

От автора

...Необходимо сделать очень важное, на мой взгляд, предупреждение. Так как повествование ведется, насколько это для меня доступно, в литературной форме, то может возникнуть предположение, что ради яркости картин и образов я добавляю к действительно происходившему и свой вымысел. Поэтому считаю своей обязанностью еще раз подчеркнуть то, что уже говорилось в предисловии к «Повести о трех поколениях», а именно, что здесь нет ни одного случая, не происшедшего в действительности, ни одной фразы, не отвечающей действительно высказанным мыслям. По большей части я буквально записывала эти фразы так, как не раз слышала их сама (лично или в рассказах очевидцев); иногда передавала в разговорной форме то, что слышала в виде рассуждений, и только очень редко вставляла общие, малозначащие слова, которые человек (принимая во внимание обстановку и его характер) мог бы сказать.

К этому нужно добавить, что если в «Повести» я в основном пользовалась очень яркими и образными рассказами бабушки, то значительной части описанного в «Жизни священника» я была непосредственной свидетельницей, пусть иногда и в очень раннем возрасте; воспоминания дремали до тех пор, пока более взрослой я не осознала их значения. Другие факты много раз повторяли то отец, то мать, то бывшая моя нянька, то еще кто-нибудь... Отчасти я пользовалась даже дневником отца, к сожалению давно потерянным для нас.

При этом, прежде чем начать писать, я долго проверяла, мысленно уточняла и язык, и хронологию событий. Если в чем и допущена натяжка, это в объединении в одну главу нескольких мелких случаев. Например, запуск змея, беседа на тему «многим же еретикам и гонителем одоле церковь» и ночное появление «трех хулиганов», безусловно, происходили не в течение суток, так же, как и два «искушения» – Сони и отца Сергия. Между этими событиями мог быть промежуток в два-три месяца, между некоторыми, может быть, и год, но никак не два-три года. Например, если я не могла уточнить времени происшедшего урагана, так и отметила это, а в других случаях в тексте употребляла неопределенные выражения.

Также и в разговорах. Здесь я еще меньше, чем раньше, пользовалась тем, что человек «мог бы сказать», – только в таких фразах, которые не имеют существенного значения для характеристики данного лица. Иногда могло быть, что подлинная фраза или подлинный способ выражения были действительно употреблены, но не в описываемом случае, а в другом подобном. Но чем серьезнее затрагиваемый вопрос, тем значительнее сами выражения, тем они точнее. В них уже не допускалось никакого отклонения: если слова указаны как подлинная речь, значит, они такими и являются в действительности, и по мысли, и по способу изложения, разве только с незначительной заменой однозначных слов.

В этом случае, конечно, является сомнение: неужели можно запомнить точные фразы, сказанные тридцать, сорок, а то и больше лет назад? Но они повторились в моем присутствии по разным случаям или не раз рассказывались отцом и другими очевидцами и рассказывались всегда одинаково. А свою память я проверяла на цитатах, приводимых в главе «ЕСЛИ любите меня» и в других. Особенно выразительна для меня цитата: «АЩЕ кто без повеления местного епископа...» Я записала ее, не зная, откуда она, и только через несколько лет смогла проверить. Она оказалась правильной. Судя по этому, можно верить, что правильно приводятся и другие слова. Все я старалась записать так, как вижу перед собой до сих пор, вплоть до движения руки, сматывающей веревку от змея.

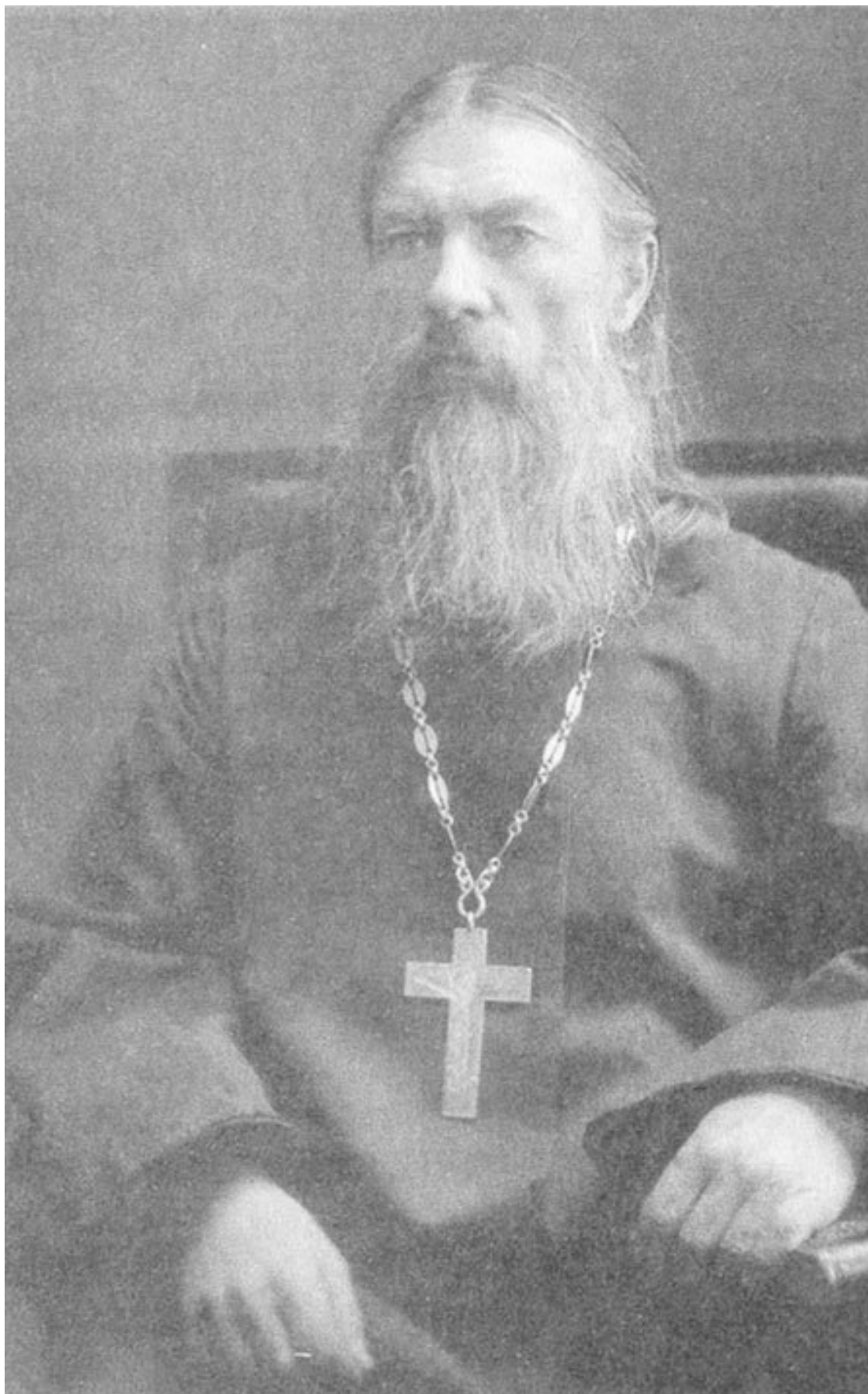
А глава «Съезд», конечно, не является стенографической записью происходившего, но приближается к тому, как и последующие, где уже нет и группировки событий; они следовали одно за другим с такой быстротой, что впору их разделять, а не уплотнять.

Сознаюсь, были некоторые соблазны, хотелось иногда вставить слова, которые были в духе описываемых людей и даже, весьма возможно, что были и сказаны. Но сказаны ли в дей-

ствительности, на это нет ни намека в моих воспоминаниях. Поэтому, хоть и с сожалением, их приходилось отбрасывать, потому что написанное мною не более как воспоминания, а не повесть, хотя бы и биографическая.

Одним словом, ко всему написанному следует относиться с таким же доверием, как и к запискам любого свидетеля любых исторических событий, хотя рассказ ведется не в первом, а в третьем лице. То есть, тут могут быть незначительные, в мелочах, ошибки памяти, неясные формулировки (где я говорю от своего лица), но ни слова вымысла.

Часть I. «Будь верен до смерти...»

Отец Сергей Самуилов
1929 г

Глава 1. Батюшка Костя

Кто имел силы пережить, должен найти силы помнить
Н. Атаров «Школьная тетрадь».

Посвящение о. Константина стало как бы личным делом для всего города. Даже татары заходили в собор «молодой мулла поглядеть». Приход о. Сергия, а теперь о. Константина граничил с татарским концом и отчасти врезался в него. Когда молодой священник бывал там, встречавшиеся татары приветливо кланялись, а кое-кто говорил ободряюще: «Не робь, бачка, не робь!» (не робей).

Тем с большей любовью относились к нему прихожане и пожилые, чувствовавшие в какой-то мере ответственность за него, за свою смену, и его ровесники, и бывшие товарищи. В это время и возникло ласковое наименование – «батюшка Костя», которое даже не близкие к церкви люди вспоминали и с лишним сорок лет спустя. В этом выражении не было ни капли фамильярности или пренебрежения к его молодости, скорее какая-то родственная теплота и постепенно усиливающееся уважение.

Впрочем, о. Константин с самого начала так поставил себя, что скоро пришлось забыть о его возрасте.

В школе, где он учился, его поступок произвел впечатление взрыва.

– Хоть бы в попы не шел! – возмущались его противники.

Конечно, и там были разные люди и разные мнения. Возможно, что сам заведующий школой И. Я. Родионов втайне сочувствовал своему бывшему воспитаннику. Были и такие, которые не только потихоньку сочувствовали, а и в дальнейшем поддерживали с ним связь, приходили поговорить по душам. Года два-три спустя о. Константин говорил, что интересно бы записать «Три разговора» (их было больше), в которых участвовали священник, учитель и зам. редактора районной газеты. Правда, учитель был не из их школы, он вошел в их жизнь позднее, но зато влился в нее от всей души.

Много было различных суждений о шаге о. Константина, но никто даже из самых заядлых его противников никогда не высказал предположения, что пойти по этому пути его заставила нужда, необходимость чем-то жить и содержать отца и сестер. Такое представление, да и то лишь при поверхностном взгляде, могло бы возникнуть только разве теперь, когда люди не представляют обстановки того времени. Правда, положение было очень трудное. Физически работать он не мог, а устроиться на гражданскую службу нечего было и думать. Впереди надеяться было не на что, как только на помощь Божию, но все-таки никто, ни друзья, ни враги не могли заподозрить его в материальных расчетах, тем более в стремлении к легкой жизни. Всем было ясно, что это не выход из затруднительного положения, а наоборот, шаг к той же могиле, которая уже почти поглотила его отца.

С первых дней после посвящения, да и после, когда в соборе, кроме него был еще и другой священник, о. Константин целые дни был занят; немало ему приходилось и ходить пешком по своему приходу. При этом он очень уставал, но все-таки не раз говорил, что труднее всего для него крестить и исповедовать. Исповедь была трудна прежде всего из-за отсутствия опыта. Ведь, по молодости, он даже и названия-то некоторых грехов не знал, не подозревал об их существовании. После такой исповеди ему приходилось обращаться за разъяснениями и советом то к о. Петру, то к о. Василию, то еще к кому-нибудь из старших.

Была и другая трудность, о которой говорил раньше о. Сергей, – то, что подходят люди с трепещущим сердцем, как с раскрытой раной, и каждому надо сказать что-то очень важное, и притом так, чтобы запомнилось надолго. В этом о. Константину больше всего помогала общая направленность, то, что он в течение своей жизни воспринял от отца.

Однажды какой-то мужичок сказал:

– Больно уж ты, батюшка, молоденький. Годков-то тебе больно уж мало.

– Не очень мало, – ответил о. Константин. – Двадцать два своих, да сорок восемь папиных.

Это было сказано очень метко. Жизнь отца перешла в него не только в виде обязанностей, забот и опасности, не только в стремлениях, интересах и привязанностях, – она передала ему и значительную часть духовного опыта, так что и исповедовать он научился очень скоро, и исповедовать так, как немногие исповедуют.

– Как копеечкой выдавливают грехи-то, – определила одна из бывших у него на исповеди.

– Вот теперь я действительно исповедался по-настоящему, – сказал матери Коля Лепесткин, мальчик лет восьми, уже в третий раз побывавший на исповеди.

– О чем же он тебя спрашивал? – поинтересовалась она.

Но Коля уже слышал о тайне исповеди, а потому ответил солидно:

– А это уж позвольте мне знать.

Надо сказать, что детей о. Константин (тоже по примеру отца) исповедовал не менее внимательно, чем взрослых, понимая, что уметь следить за своей внутренней жизнью, судить себя, нужно закладывать с ранних лет. И нередко можно было видеть, как какая-нибудь семи-восьмилетняя грешница со слезами рассказывала ему свои великие грехи, а он слушал доброжелательно и серьезно, и так же серьезно что-то внушал ей.

Уже значительно позже произошел такой случай. В тяжелом 1933-м году захала в Пугачев в поисках работы одна жительница Саратова, находившаяся в крайней нужде. Не найдя здесь того, чего искала, она почувствовала потребность исповедаться и причаститься, как перед смертью.

– Когда я увидела, что исповедовать вышел молодой священник, – рассказывала она потом, я сначала разочаровалась, подумала: что он может сказать?.. А как увидела его глаза, заплакала и всю душу пред ним излила.

Правда, это было значительно позже, в начале третьего года его служения. Пришлось забежать на несколько лет вперед, чтобы показать, что сорок восемь лет жизни отца Сергия и на самом деле прибавили его сыну очень много внутреннего богатства.

Еще было трудное дело – крещение младенцев. Для слабосильного юноши оно было тяжело и физически, – попробуй-ка подержать в руках одного за другим нескольких барахтающихся, кричащих во все горло, вырывающихся малышей. Но хуже другое – раньше он почти не держал детей на руках и боялся их утопить.

– Теперь я уже приспособился, – с торжеством рассказывал он некоторое время спустя. – Надо правой рукой держать ребенка под спинку, а левую положить ему на лицо так, чтобы ладонью закрыть рот и нос, а пальцами глаза и уши. Погружать в воду затылком вперед; переждать пока он закатывается молча тянет воздух в себя, а когда закричит, можно смело погружать еще и раз, и два: в это время он выталкивает из груди воздух, значит и воду вытолкнет, не захлебнется.

А то еще приносят годовалых; с ними всего труднее справляться. Тех, кто старше, года по два, по три, можно уговорить: стой, держи свечечку, сейчас будем купаться. А годовалый ничего не понимает, а силенка у него есть: упрется ножонками в дно купели, напряжется весь – попробуй, согни его! Ну, да с такими я не церемонюсь, – с мягкой улыбкой добавлял о. Константин. – С такими можно и силу применить, их не утопишь и не сломаешь.

* * *

Вскоре после Крещения 1931 г. с собора были сброшены колокола. На этот раз никто не собирал собрания верующих и не добивались решения о том, что они отдадут колокола, –

все было сделано в административном порядке. Колокола были не сняты, а именно сброшены, они с грохотом разбивались о мостовую, вдавливая ее глубоко в землю. Только самый большой колокол не разбился, от него всего лишь откололся один край. Его пытались увезти, продев трос в ухо, но «последнее слово техники» – трактор «Интернационал» только беспомощно прыгал на другом конце троса, пытаясь сдвинуть непосильную для него тяжесть. Потом колокол взорвали, не пожалев стекол в окружающих площадь домах, и увезли по частям.

О. Константин в это время опять ходил по домам, только не с Рождеством, а с Крещением, со святой водой. Вечером к нему зашел дьякон Агафодоров. Нервный и впечатлительный, он, однако, и здесь не изменил своей привычке сказать острое словцо даже в трудную минуту. По его рассказам (и тут он, пожалуй, не преувеличивал), получалось, что грохот от сбрасываемых колоколов был такой, что казалось, вместе с колоколами рушится и сама колокольня, если не весь собор. Я, дескать, сразу подумал об о. Константине, не попал ли он под эти развалины. «Ну, думаю, под сим камнем лежит прах о. Константина... и прочих сил бесплотных».

Эта, довольно неуместная шутка, имела под собой некоторое основание. О. Константин в это время был такой худой и бледный – «прозрачный», что еще больше, чем о. Николай Авдаков, мог казаться «бесплотным».

Когда вспомнишь об этих событиях, кажется, что от рукоположения о. Константина до снятия колоколов прошло немало времени, и даже приходилось задумываться, не на следующий ли год они были сняты. Но нет, просто тогда кругом кипела жизнь, так плотно насыщенная всякими событиями и впечатлениями, что и две недели от Рождества до Крещения показались большим сроком.

Отцу Сергию хотелось иметь фотографию детей, особенно Кости в его новом виде, потому вскоре после хиротонии, пока Миша еще не уехал, они все вчетвером сфотографировались. На этом снимке подбородок о. Константина гладок, как яичко, лицо совсем юное, а ряса и крест при такой голове удивляли, как полная неожиданность.

– Эх, кто-то в кресте снялся, покрасовался, – заметил в фотографии один из клиентов, случайно увидев этот снимок.

Как только начала отрастать бородка, она сразу же состарила о. Константина на несколько лет, и он перестал казаться очень молоденьким.

Батюшка, а ты вроде еще не старый, – с удивлением заметил случайно зашедший в собор крестьянин.

На этот раз о. Константин не стал говорить об отцовских годах.

Да, не очень старый, – ответил он. – В этом году призывался.

Действительно, незадолго до хиротонии пришлось ему побывать и в военкомате, но там его долго не задержали, освободили «по чистой», по состоянию здоровья.

Бородка отрастала курчавая, темно-русая, значительно потемнее, чем у о. Сергия. В следующий раз, когда фотографировались втроем, без Миши, лицо о. Константина уже было обрамлено бородкой довольно приличных размеров, хотя волосы еще не успели отрасти и по-прежнему упрямо распадались «на косой рядок». За это о. Иоанн Заседателев не раз выговаривал о. Константину:

Ты погляди, ни один святой никогда не носил «на косой рядок». Назад нужно зачесывать волосы, или, уже если хочешь на две стороны, на середине делай ряд, как у отца.

Но что поделаешь, если волосы так коротки, что и назад не зачесываются, и не хотят лежать иначе, как лежали всегда раньше. Над этими упрямыми волосами пришлось-таки о. Константину потрудиться.

К этому периоду относится своеобразный афоризм Вали. Рассматривая картинки в учебнике Священной истории, она поразила видом ап. Иоанна Богослова.

Дяденька, а с волосиками.

Ей объяснили, что он батюшка, потому и носит длинные волосы. Тогда она категорически заявила:

Батюшки с волосиками не бывают.

Что же, в пределах своего опыта она была права. О. Константин был стриженный, о. Петр тоже, а прежних она успела забыть. Из старособорных она знала лысого о. Василия и о. Димитрия Шашлова, недавно вернувшегося из психклиники: так там его не просто остригли, а обрили. Даже Агафодоров был подстрижен. Словом, «батюшки с волосиками не бывают».

Когда у о. Константина отрасли волосы, они оказались не прямыми, как у о. Сергия, а падали на плечи такими красивыми локонами, что им завидовали Наташины подруги. И цвет волос был красивый – каштановый, блестящий, с золотистым оттенком. Губы почему-то стали очень красными, как покрашенными. Кто-то из случайных встречных так и заподозрил, что они крашенные. А еще один из таких встречных подал реплику:

– Эх, поп-то какой! Советского выпуска!..

Так преобразилась его внешность, но дело не во внешности, а в самочувствии. Удивительное дело! Здоровье о. Константина, несмотря на напряженный труд, определенно крепло, и даже голос стал гораздо сильнее и звучней, почти как у здорового. Надежда епископа Павла на действие благодати Божией не обманула его.

Все время, остававшееся от прямых обязанностей, о. Константин отдавал чтению. С таким же увлечением, с каким раньше он читал литературу о философии, теперь он погрузился в Библию. Особенно привлекали его притчи Соломоновы и пророчества. Как и раньше, он не мог читать, не делаясь с другими тем, что произвело на него особенно сильное впечатление.

– Послушайте, как хорошо сказано, – говорил он и, перелистывая страницы, читал то из одного, то из другого места:

«Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города» (Притч. 16, 32).

«Не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется» (Притч. 24, 17).

«Как воробей вспорхнет, как ласточка улетит, так незаслуженное проклятие не сбудется» (Притч. 26, 2).

«Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего» (Притч. 27, 6).

«Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном – не отделится от него глупость его» (Притч. 27, 22).

«Ленивец говорит: «лев на улице! посреди площади убьют меня!»» (Притч. 22, 13).

«Дверь поворачивается на крючьях своих, а ленивый – на постели своей» (Притч. 26, 14).

Молодому священнику приходилось много времени употреблять на составление проповедей; чем бы он ни занимался, мысль о проповеди не оставляла его. Конечно, Библия давала для этого много материала, но случалось и так, что материал опаздывал, время использовать его было упущено.

Если бы я раньше прочитал это, – сожалел о. Константин, принявшись за книгу пророка Иеремии. – Вот такими словами можно было бы начать мою первую проповедь: «Я сказал: о, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я еще молод. Но Господь сказал мне: не говори: «я молод»; ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебе, скажешь» (Иер. 1, 6–7).

Для легкого чтения времени не оставалось, да и о. Константина не тянуло ни к нему, ни к каким другим развлечениям, хотя для освежения мозга полезно было бы иметь по временам какую-нибудь разрядку. Только Боря и Валя развлекали всех и, слушая их болтовню, глядя, как они играют, забывал ненадолго о серьезных делах и мыслях и о. Константин.

Попривыкнув к новым соседям, дети стали прибегать «в другой свой дом» не только перед всенощной, а и в любое время. Прасковья Степановна сначала придерживала их, чтобы

не надоедали, не мешали о. Константину, но он сам частенько вспоминал о них, просил позвать их, а ранними зимними вечерами пользовался условным знаком – поднимал и опускал около окна зажженную лампу. На детей этот знак действовал, как сигнал тревоги, их уже нельзя было удержать дома. Даже если они сидели за столом, мать с трудом заставляла их закончить обед.

И вот уже мчатся братишка с сестренкой, наполняют дом своими голосами, рассказами, возней – каждый старается за троих.

Знаю, знаю, что у меня в голове воск! (мозг) – вдруг кричит Валя и, вспомнив определение, сделанное кем-то из взрослых, неожиданно добавляет, – а ноги у меня на пружинах!

Прибегали они со своей болтовней, со своими требованиями.

– Расскажите сказку!

Нет, лучше про правду, – возражает Борис.

По мере того, как он подрастает, слушать «про правду» ему становится все интереснее. В понятие «про правду» входили рассказы о животных, о дальних странах, северном сиянии, извержении вулканов, словом, обо всем, что творится в мире. Сюда же, конечно, относились и рассказы о Христе, мучениках, Иосифе Прекрасном, трех отроках и т. д. Соня и Наташа, смотря по настроению своему и своих слушателей, чередовали правду со сказками, – приходилось считаться и с Валею, которой сказки были понятнее. Девушки только придерживались давно принятого в семье правила – не рассказывать сказок, в которых герои достигали своей цели при помощи лжи, обмана. Так, хотя с сожалением, были отвергнуты сказки о Коте в сапогах, об Иване-царевиче и сером Волке.

Если рассказывал о. Константин, он рассказывал только про правду, и чаще всего разные случаи из Священной истории. У него как-то само собой получалось, что, о чем бы он ни начинал речь, непременно потом перейдет на что-нибудь связанное с Богом и религией. Такова была его натура.

Иногда дети сами делились своими познаниями. Они любили декламировать стихи из своих книжек. Взрослые только улыбались, кода Валя, четко отделяя слово от слова, увлеченно скандировала:

«Враз-вра-ги-лось с по-ля ста-до,
Отвор-рять воро-га надо!»

Но родители, особенно Михаил Васильевич, в основном ведавший духовным развитием детей, научили не только этому. Дети со смыслом рассказывали и о Рождестве Христовом, о поклонении волхвов и избииении младенцев, и о том, как «Боженьку распятили». Больше того, они знали и основные моменты из Ветхого Завета, хотя и понимали и передавали их довольно своеобразно.

Боженька сказал Адаме, – звенел Валин голосок, – ты с этого боку яблочки ешь, а с этого не ешь. А сатана его смутил, он и с того бока поел. А Боженька за это сатану с небушки сверзил.

И Адама с Евой из рая изгнал, – более близким к подлинному языком вставлял Боря, и, поддерживаемый горячим одобрением сестренки, вдруг добавлял, словно делился своей заветной мечтой. А в раю звери-то некусачие, можно слону уши растопыривать и хобот в рот заворачивать!

Вас бы в рай пустить, вы бы там доказали, – добродушно ворчала со своей кровати Максимова.

Летними вечерами можно было слышать, как дети на крыльце около своего домика читают вслух, под наблюдением отца, свои вечерние молитвы. Валя читает громко, медленно, каждое слово отделяя от другого и чуть-чуть выкрикивает: «Святой! Боже! Святой! Крепкий!»

Боря читает ровнее, подражая манере чтецов на клиросе: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя...» У него правило потруднее, соответственно его возрасту, зато он иногда и частит, как пулемет.

Там же на крыльце, завершая последние приготовления перед сном, Валя, случилось, громко рассуждала вслух:

Мама, смотри-ка, сколько звездочек! И все над нашим домиком, а над другими нет!

Мама, а как же Боженька увидит меня, ведь надо мной крыша? А, поняла, поняла! Вон там щелочка есть!

Утром в праздники родители брали детей с собой в церковь, но там они стояли плохо, особенно Валя. Певчие пели, обернувшись лицом к народу, не стеснялись разговаривать, и Валя, стоя около матери, тоже не смотрела на иконы, вертелась, шалила, шепталась. Потом с ней проводились на эту тему длинные беседы, но они помогали слабо, и Валя объясняла: «Я хочу-хочу по-Боженькиному стоять, а бес-то меня смущает, я все по-бесиному стою».

В 1930 году Борису было чуть побольше пяти лет. Он был немного похож на девочку, беленький, нежненький, с маленьким носиком, голубыми глазами и нежным румянцем.

Вале исполнилось три года; по росту она казалась меньше своих лет, а по языку – старше, так что на нее бывало на улице оглядывались прохожие – такая капелька, а говорит без умолку, забавно так и довольно правильно. Хотя иногда и срывается. Однажды она увидела мальчика ее лет, одетого в пушистый шерстяной костюмчик, которые тогда только что появились.

Мама, мама! – по обыкновению звонко, на всю улицу, закричала девочка. – Гляди, какой кавалер-то пушистый! Он наверно подпилками (опилками) набитый!

Валя любила ходить с Соней или Наташей за водой и в библиотеку; до водокачки было почти два квартала, а до библиотеки и того дальше. Вот она и привлекала внимание прохожих.

И водокачка, и библиотека находились на Ревпроспекте – центральной улице, по которой, между прочим, шла и дорога в тюрьму. Проходя по нему, нередко можно было встретить партию заключенных, которых вели то на работу, то на допрос, то обратно. Иногда среди них попадались и свои, и тогда, конечно, забывались все дела, старались только подальше проводить своих, сообщить о них другим заинтересованным. И неудивительно, если через некоторое время Валя выразила свой взгляд на их положение:

– У Владыки дом-то в тюрьме!

Глава 2. Те же стены и те же ворота

Щели святых ворот по-прежнему привлекали к себе скорбные женские глаза. И все те скудные сведения, которые доходили с той стороны через эти и другие «щели», были для оставшихся по эту сторону огромной ценностью. Чувствовалась живая, непрерывающаяся связь с отцом, хотя знали о нем, несмотря на все ухищрения, очень мало.

После ареста епископа Павла допросы начались с новой силой. Одно время получалось так, что в Управлении находилось больше духовенства, чем в тюрьме. И вообще в подвале оказалось столько народа, что оставалось только удивляться, как они там помещаются.

Однажды Соня, пришедшая к Управлению с передачей, столкнулась с колонной, выходящей из знакомых ворот.

Шло человек сто или полтора в сопровождении конного конвоира, а сзади ехала подвода, нагруженная вещами. В переднем ряду шли все свои – о. Сергей, о. Александр, епископ Павел, о. Николай. Тут же поблизости Иванов и еще кто-то; Соня не рассматривала, она старалась как-нибудь оказаться поближе к отцу. Получилось так, что никого из близких здесь на этот раз не было, зато было несколько незнакомых женщин, тоже старавшихся подобраться поближе к своим, не поговорить, а хоть посмотреть на них. Охранник кричал на женщин, отгонял, но пока он ехал слева от колонны, справа кто-нибудь уже шагал вблизи от заключенных; он переезжал вправо – та же картина повторялась слева. Так двигались до моста. Через мост заключенные шли тесной толпой от перил до перил, провожающим нечего было и думать попасть туда одновременно с ними, а конвоир задержался сзади и далеко отогнал и без того отставших женщин. Только две-три, не раз уже попадавшие в подобный переплет, и среди них Соня, опередили колонну, заранее перешли мост, и пока конвоир был сзади, опять пошли вблизи от своих. Но теперь охранник не разбрасывался: подстегнув лошадь, он направился прямо к Соне. Она попыталась было улизнуть от него, но колонна уже свернула на широкую открытую поляну – «Лягушатку»; тут от всадника не скроешься – он мигом догнал ее.

Кто у тебя тут? – сердито, как показалось Соне, спросил конвойный, и, не дав времени растерявшейся девушке ответить, повторил:

Кто у тебя здесь? Отец? Иди, поговори с ним.

От радости Соня, кажется, даже не поблагодарила. Она торопливо юркнула в колонну между отцом и Моченевым и всю дорогу, пока шли «Лягушаткой» и длинным извилистым переулком между огородами, говорила не только с отцом, а со всеми. Радость была для всех. Только когда подошли к воротам, конвойный крикнул девушке отойти и скомандовал разбирать вещи. Заключенные окружили подводу. Подошел епископ Павел, но о. Сергей отстранил его и сказал с деланной грубоватостью: «Не вмешивайтесь, куда не надо, не ваше дело их носить!» Забрал и свой, и его мешок и скрылся за воротами.

У Владыки было больное сердце, потому о. Сергей, не имея возможности защитить его от волнений, старался охранить хоть от излишней физической нагрузки.

Еще в середине ноября пришедшие к тюрьме «городские» терялись в огромной, беспорядочной массе «деревенских», взволнованных, спешащих, с большими мешками, рассчитанными на то, чтобы их содержимого хватило надолго. Они приезжали на лошадаках в кои-то веки раз, не знали тюремных порядков, не знали точно даже того, что у них в мешках. Когда от них требовали записки с перечислением передаваемого, они вываливали содержимое мешков прямо на снег, и с помощью кого-нибудь из городских составляли необходимую опись. Они были беспомощны и агрессивны, силой пробивали себе путь к калитке, не считаясь с тем, кто подвернется под их мощные локти; летом металась по плантациям, пытаясь увидеть своих, и заливались слезами, все равно, удалось ли увидеть их или нет, в первом случае даже больше. До них не доходило, что нужно беречь спокойствие своих родственников, которым и без их

слез тяжело: они старались, чтобы их мужья и сыновья видели, как их жалеют; сдержанность «городских» они считали бесчувствием и осуждали их так же резко, как те их самих.

И все-таки «деревенские» были жалки. Жалки именно тем, что их так много. Как им хотелось хоть раз, хоть одним глазом увидеть своих близких. Но те помещались в церкви или в больших камерах, на прогулку выходили сразу целой толпой – попробуй, различи там кого-нибудь! У щели места не хватало, начиналась толкотня, крики, все равно никто ничего не видел. Даже если на их счастье открывались ворота, женщины вваливались во двор все сразу, их замечали и прогоняли, да еще и ворота накрепко запирали. Это было хуже всего, этим они преграждали путь и другим.

Некоторые искали обходных путей. Кто-нибудь из «городских» указывал им свои наблюдательные пункты у задней стены, но и туда они бросались целой толпой. Случалось охранники ловили особенно смелых и неосторожных и для острастки запирали их часа на два в какой-нибудь сарай, но на поведении массы это не отражалось – ведь в следующий раз приезжали другие.

После ареста полицейских и офицеров «городские» получали преимущества хотя бы потому, что бывали здесь постоянно, скоро узнали тюремные порядки, а у стен установили свои порядки, и держались сплоченной, организованной группой. По вторникам и пятницам, в дни передач, они не настаивали на своем, старались только передать то, что принесли, зато в остальные дни были здесь полными хозяевами.

Жены и матери, дети или сестры некоторых заключенных приходили к тюрьме если не каждый день, то все же гораздо чаще, чем два раза в неделю. Здесь все было пропитано одной мыслью мыслью о том, что делается внутри, за стенами. Если готовился этап, об этом у ворот узнавали заранее. Кто-нибудь видел, как от железнодорожного вокзала к тюрьме прошел конвой – группа солдат, вооруженных особым образом. Кто-нибудь видел, как этот конвой вошел в ворота. Некоторым удавалось заглянуть внутрь двора через обнаруженное ими в глухом углу отверстие в стене. Перед отправкой заключенных выводили из камер во двор, выстраивали в колонны, обыскивали в последний раз. Еще до того в щели удавалось заметить усиленное движение, означавшее подготовку к отправке, и все эти небольшие, но важные сведения жадно ловились стоящими у ворот. Сведения сопоставляли, рассуждали, как бы не пропустить отправку, с какого места лучше смотреть, чтобы увидеть своих, если они будут в этапе, а если их не будет, то чтобы удостовериться в этом.

Соне с Наташей ничего не стоило облазять по сугробам. стены тюрьмы со всех сторон. Обойти все, везде заглянуть, составить свое мнение было обязанностью девушек. Для пожилых матушек, вроде Моченовой, они являлись своего рода легкой кавалерией.

Было два пункта, с которых можно было видеть часть двора. У задней стены, прямо против места прогулок, почти там, где летом была яма, намело высокий сугроб с горбом – оттуда не только было видно гуляющих, но и они могли видеть пришедших. Зато их мог увидеть и охранник, если против обыкновения обернется лицом к стене, и случайно прошедшее мимо начальство. Это местечко было особенно заманчивым, недаром там всегда, даже после сильных буранов, пролегал тропинка. Но пользоваться им удавалось далеко не всегда, а перед этапами там частенько прогуливался кто-нибудь из охраны место было известно и им. Тут-то чаще всего и попадались «деревенские». Но уже само присутствие охранника говорило о многом – о том, что во дворе что-то готовится.

Другое место было почти у дороги вдоль Иргиза, в конце засохшего монастырского сада. Часть стены там покрошилась, обрушилась, заделана кое-как простыми досками со щелями. Около лежала куча щебня необрушенные остатки обрушенной стены. Если забраться на кучу, можно было видеть и центральный двор. Правда, это очень далеко, рассмотреть гуляющих трудно даже острым молодым глазам, но в крайности пользовались и этим местом. А уж то собирается ли этап или тревога была ложной, оттуда вполне можно было понять.

Ходили туда не только когда ожидали этапа, а и в те неудачные дни, когда около ворот дежурил самый злой охранник с очень подходящей для него фамилией – Лютов. Говорили, что он служил начальником милиции где-то в районе, попал в тюрьму за превышение власти, судя по наказанию, должно быть, очень серьезное, и здесь, заслужив доверие начальства, насколько возможно показывал свой характер.

На дальнем углу было особенно холодно. С Иргиза дул пронизывающий ветер. Побродив около тюрьмы часа два в легоньком, скорее осеннем, чем зимнем пальтишке выше колен, Соня прибредала домой совсем больная: заваливало грудь, в теле чувствовался жар. Хорошо, что постель ее была у печки. Отогреется за ночь, а утром опять на свое дежурство.

Среди тех, кто часто ходил к воротам, быстро выработалось правило – держаться бодро, не плакать, особенно в те минуты, когда заключенные могут их видеть. Все по собственному опыту хорошо знали, как выводят из равновесия чьи-нибудь слезы, даже если это слезы постороннего, может быть, и неприятного человека, не говоря уже о том, если плачет кто-то из близких, родных, любимых. В городе, среди людей, горячо сочувствовавших батюшкам и их семьям, далеко не все понимали это. Здесь же, около тюрьмы, понимали все.

Тюрьма учит быстро. Когда среди женщин появлялись новенькие, их можно было сразу отличить по тому, что они многого не понимали совсем или понимали по-своему. Они плакали при всех и даже тогда, когда им удавалось показаться за воротами своим мужьям; они держались особняком, сторонились всех прежних, более опытных, и явно считали, что их положение совершенно особое. Дескать вам-то поделом, а вот у меня муж ни за что попал! Невинный!

И «прежние» тоже были неопытны. Какой бурей встречали они это слово – «невинный».

У нее невинный, а у нас что, виноватые?

Завидев новенькую, еще дорогой разливавшуюся в слезах, нервно, а то и зло, бросали: – Горя еще не видела, вот и ревет!

Постепенно все поняли и то, что не нужно обижаться и не нужно объяснять. Пройдет дня три-четыре, и новенькая поймет все сама, без объяснений. Только вот за ворота пускать их заплаканных не очень хотелось: ведь они портили радость свидания не только своим мужьям, но и тем, кто находился вместе с ними. А радости этой у них так мало, она так нужна им!

Невинные... Долгое время казалось, что там, внутри, совсем нет по-настоящему виновных, что все попали туда по какой-нибудь ошибке, по наговору или по чьей-то злой воле. Товарищи о. Сергия по камере казались его детям такими же жертвами, как и он сам, но ведь ручаться за всех, тем более за незнакомых, никак нельзя. Ходил слух, что у офицеров действительно было что-то вроде заговора, что они собирались где-то за Иргизом на пустой даче и о чем-то там совещались. На одном из допросов Вишняков открыл следователю их тайну; рассказал, а потом сошел с ума. Или, может быть, наоборот сначала помешался, потерял контроль над собой, а потом рассказал о заговоре, а может и наговорил напраслину на себя и своих товарищей. Что там было и чего не было – неизвестно, но зато очень хорошо известно, что о. Сергию опять пришлось быть в одной камере с помешавшимся, а это такая нагрузка для нервной системы, которой и на свободе не приведи Бог никому.

Как раньше за Шашловым, так теперь пришлось присматривать за Вишняковым, успокаивать его, уговаривать, а главное, испытывать на себе постоянный гнет от тесного соприкосновения с крайне возбужденной, больной психикой человека, от которого некуда уйти или хоть отойти подальше. К счастью для о. Сергия, его скоро перевели из этой камеры (все это происходило в декабре). Затем Вишнякова освободили из-за его помешательства, а еще несколько времени спустя жена совсем увезла его из города. Может быть, они опасались, как бы его опять не взяли, да и трудно им стало жить здесь, особенно жене, от которой отвернулись все прежние подруги по несчастью. При встречах кололи ей глаза – твой муж наших мужей погубил, и мы все из-за него страдаем. А случалось, что и похуже этого говорили. И уж, конечно, никому не было дела до того, что она сама переживала.

Вишнякова была женщина умная и твердая, но можно думать, что ей было бы легче видеть мужа в тюрьме или лагере, чем дома таким, каким он стал.

Ни Вишняков, ни его жена не забыли забот о Сергия и, собираясь уезжать, зашли навестить его семью. Посидели, попили чайку. Им сначала обрадовались, надеялись, что Вишняков расскажет какие-то еще неизвестные подробности тюремной жизни, но ожидания не оправдались. Вишняков заметно старался держать себя в руках, говорил некоторое время нормально, но скоро сбивался и начинал нести околесицу. Жена все время была настороже; когда муж начинал заговариваться, старалась направить разговор в нормальное русло или просто перевести на другое; хозяева помогали ей в этом. До самого прощанья неловкости хотя и возникали ежеминутно, все-таки были не особенно сильны, но когда стали прощаться, Вишняков заявил:

– Я попрощаюсь с вами по-новому.

И, не обращая внимания на уговоры вконец расстроенной жены, встал на голову и помахал в воздухе ногами.

Офицеров через некоторое время отправили – «угнали», как говорили тогда, и это было сделано так искусно, что мало кто видел, как их вели. Это явилось как бы предупреждением остальным. Значит, плохо следили и нужно усилить внимание, чтобы не проморгать день и час, когда поведут наших, священников.

Пока офицеры были в Пугачеве, они и их жены служили дополнительным источником информации и для духовенства. Был такой период еще с осени, когда офицерам, как вновь арестованным, не принимали передач, а священникам принимали. Тогда жены сидящих с ними в одной камере добавляли к их передачам свои, «чтобы на всех хватало». Особенно тяготила женщин невозможность обменяться с мужьями хоть самыми незначительными записками. Тут счастливым-старожилам приходилось умудряться в своих записках намеком сообщать что-нибудь о других, – из тюрьмы на волю и обратно. Когда же свидания им разрешили, та же Вишнякова, пока ее муж был здоров, передавала услышанные от него подробности, касавшиеся и о Сергия. Иногда случалось узнавать что-то и от других знакомых или удавалось поговорить с осужденными, которых посылали на работу вне стен тюрьмы. Им не обязательно было помещаться в одной камере со священниками, и со стороны многое было видно.

– Отца Сергия там атаманом зовут, – рассказывал один из них. – Обвинение ему такое предъявили, за организацию, да и ведет он себя так, носа не вешает.

– А о. Николай?

Отец Николай? – в голосе говорившего слышалось восхищение. – О. Николай прямо Георгий Победоносец!

На деле все было далеко не так просто.

Мы начали действовать друг другу на нервы, – сказал как-то при свидании о. Сергий и объяснил: так бывает, когда небольшая кучка людей долго живет вместе в ограниченном пространстве, среди однообразных впечатлений, не видя никого, кроме своей группы. Так бывало когда-то на кораблях, месяцами плывущих по морю, так бывает у зимовщиков, проводящих полярную зиму в занесенном снегом домишке и, конечно, в тюремных камерах.

Вот и они почувствовали это, у них для этого больше поводов, чем у кого-то другого. В тесной камере, рассчитанной много-много если на четверых, их тринадцать человек – архиерей и двенадцать священников (о. Александр Моченев, о. Сергей Самуилов, о. Николай Авдаков, о. Владимир Иванов, отец и сын Сеницыны, Зюков, Салин, молодой иеромонах Азария Мажарин, о. Симеон Крылов и кто-то еще). За исключением небольшого пространства у двери, где стоит параша, вся камера занята нарами. Ночью лежать так тесно, что если повернется один, должны поворачиваться и остальные. Днем, кроме короткой пятнадцатиминутной прогулки, все время приходится сидеть, подогнув ноги, на тех же нарах. Разговаривать об отвлеченных вопросах далеко не всегда и не всем хочется, а обыденное уже все переговорили. Вот тут-то выплывают на первый план и начинают раздражать мелочи, мелкие недостатки соседей,

которых в другое время не заметили бы. Тот храпит по ночам, у другого мерзнут ноги, он не снимает на ночь носки и от ног пахнет потом. Третий каждый день подолгу копается в своих вещах, раскладывая их вокруг себя и тесня ими своих товарищей. Даже еп. Павел, которого о. Сергей уважал и любил, начал раздражать его тем, что, умываясь, плескал вокруг и не вытирал за собой пол, – за всю жизнь привык к тому, что кто-то за ним убирает.

О. Азария все за него делает, – говорил о. Сергей. Он ведь раньше в Хвалынском скиту у о. Дорофея послушником был, суровую школу прошел, и теперь за Владыкой, как настоящий послушник, ухаживает. Удивительная кротость и смирение у этого о. Азарии! Никогда еще не встречал я таких людей.

Создавшееся тяжелое положение заставило о. Сергия еще раз подумать о том, как использовать свободное время, и ему пришло в голову заняться переработкой своего труда о происхождении мира, жизни и человека. Писать им не запрещали, бумагу пропускали в достаточном количестве, новых мыслей тоже накопилось достаточно. Но всего этого было мало. Нужно было иметь пособие – книгу Деннерта «Геккель и его мировые загадки», в которой было так много еще не обработанного о. Сергием материала против Геккеля и его учения. Притом книгу нужно было доставить вполне законным путем, с разрешения тюремного начальства, чтобы не получилось неприятности, когда ее увидят в камере. О. Сергей при свидании попросил об этом, и в следующий день передач Соня принесла книгу.

Бесполезно, – сказала жена одного из офицеров, когда Соня сказала своим новым знакомым, для чего она хочет пройти в контору. Бесплезно. Я только что ходила, просила передать мужу сочинения Ленина, мне отказали.

Все-таки я попытаюсь, – ответила Соня.

Войдя в контору, она увидела, что дежурит Савкин, муж Ксении, самый грубый и самый придиричивый из охранников. Девушка чуть было не повернула обратно, но Савкин уже заметил ее. Пришлось подойти и высказать свою просьбу, причем Соня особенно напирала на то, что книга научная, по естественной истории. Савкин беспомощно повертел книгу в руках, заглянул в середину, наткнулся на какие-то непонятные, но безусловно, «научные слова», и разрешил.

То, что о. Сергей написал в камере, не вышло на волю. И книга, и его тетради были отобраны при отправке, но возможность заняться любимым делом улучшила его настроение, да и другим это кое-что дало. Содержание книги для многих было настоящим откровением, можно было поговорить и по поводу того, что писал о. Сергей. Не всех это интересовало, но все-таки в жизнь вошло что-то новое и важное.

Глава 3. Тревожная весна

С наступлением весны площадь перед тюремными воротами и прилегающие переулки превратились в сплошную глубокую лужу. Почти ни у кого из женщин не было сапог, и чтобы пройти к воротам, приходилось проявлять ловкость и изобретательность. Дорогу обходили по огородам, прыгая то на неуспевший еще растаять снег, то на бугорки оттаявшей земли. Часто эти спасительные островки обманывали: под рыхлым снегом стояла вода, а земля оказывалась жидкой грязью; она заполняла обувь и приходилось разуваться и отмывать ноги в соседней луже. После одной-двух подобных попыток женщины предпочитали идти напролом по дороге. Подойдя к цели, они выливали воду из обуви и старались найти и сунуть туда клочок сена или соломы, оставшихся после приехавших на лошадях «деревенских». Но и это становилось все труднее: овражки в полях налились талой водой и из сел почти не приезжали. Только «городские» ходили по-прежнему.

Никого из духовенства на допросы уже давно не вызывали, пропуска на свидание выдавались беспрепятственно, и было ясно, что следствие по их делу кончилось. Значит, их должны скоро отправить, и потому интерес к этапам не ослабевал. Однако, несмотря на бдительность ожидавших у тюрьмы, этап иногда отправляли так, что его мало кто видел. Поэтому никогда не было уверенности, что отправки сегодня не будет. И в снег, и в дождь, и в слякоть приходилось дежурить, прячась за углами не только от ветра, но и от надзирателей. Если партию заключенных выводили, нужно было подойти поближе, увидеть, кого ведут, а если это сразу не удавалось, идти за ними дальше, пока не удастся рассмотреть всех. Соня и Наташа не раз проделывали этот путь еще и для того, чтобы познакомиться с порядками, узнать опасные места, где конвоиры могут безнадежно оттеснить провожающих, найти обходные пути, какие-нибудь переулки, по которым можно забежать вперед и опять оказаться около колонны. Это очень пригодилось впоследствии, когда пришлось провожать своих.

Немногим из родственников удавалось пройти весь путь до конца, а когда их становилось мало, строгость конвоиров слабела. Один раз Наташе пришлось увидеть, как очень строгий на вид надзиратель Сайчик позволил заключенному проститься с женой и даже, кажется, взять что-то из съестного. Правда, когда через некоторое время Сайчик отогнал эту счастливую женщину, она обиделась и вместо благодарности обрушила на его голову весь свой запас ядовитых слов. Вот так и мы, неразумные, не ценим те милости, которыми осыпает нас Господь, а когда наступает время испытать скорби, замечаем только их и бываем близки к тому, чтобы роптать на Господа вместо благодарности за все полученное.

Пасха в 1931-м году была ранняя, 30 марта ст. стилия, т. е. в самый разгар ростепели. Но если это не удерживало в другие дни, то тем более не удержало в Страстную пятницу – всем хотелось передать к празднику своим что-нибудь вкусное. Да и на раздачу нуждающимся кое-что каждый добавил, и на случай этапа. Ведь знали, что запаса у о. Сергия не держится. С великим трудом наберут лишний мешочек сухарей на раздачу в расчете на то, что у него есть запас для себя, а он скажет: «Вот хорошо, а то у меня уж давно ничего нет, все раздал!» И как не раздать, если в волчок просят: «Отцы, нет ли корочки, хоть плесневелой!»

Очередь была огромная и двигалась медленно – передачи у всех обильные и на проверку их уходило много времени. Соня с Наташей принесли свою передачу вдвоем, и Соня тотчас ушла, торопясь застать хоть часть Страстной службы и обещая сестренке прийти и заменить ее, чтобы и она что-то застала. Но когда она вернулась, Наташи не было. Соня решила, что передачу уже приняли и пошла назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.